

DOI: 10.31857/S086919080027500-7

ЧИНГИСХАН И ИДЕЯ МИРОВОГО ГОСПОДСТВА¹

© 2024

Ю.И. ДРОБЫШЕВ ^а

^а – Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

Резюме: В статье предлагается решение вопроса о замыслах Тэмучжина/Чингисхана относительно мирового господства. Основываясь на сообщениях ряда средневековых источников, автор приходит к выводу, что планы по подчинению всего мира, нередко приписываемые современными историками Чингисхану, слабо обоснованы. На данном этапе развития исторической науки мы можем достаточно уверенно предполагать, что его военные кампании преследовали конкретные цели, в первую очередь обусловленные необходимостью мстить многочисленным врагам, и не являлись частями одного общего захватнического плана. После объединения под своей властью кочевых племен и умирения пограничья Чингисхан, как правило, жестко реагировал на внешние вызовы, а первые походы в Си-Ся и Цзинь были грабительскими. Война отнюдь не всегда подразумевала захват чужих территорий, либо монголы на первых порах ограничивались их частичной аннексией, как это было в случае государства хорезмшахов. В процессе выявления мотиваций и планов Чингисхана большое значение имеют его заветы потомкам. Вопреки распространенному мнению, источники опровергают мысль о том, что умирающий хан завещал завершить его всемирные завоевания. На самом деле его политическое завещание сводилось к следующему: он утвердил Угэдэя в качестве своего преемника на ханском троне, повелел сыновьям подчиняться новому владыке и хранить единство, а также покончить с тангутами, чжурчжэнями и кипчаками. Все эти пункты были впоследствии выполнены. Никаких слов о необходимости захватить всю землю предсмертные речи Чингисхана не содержат. Одним из первых такую волю Чингисхану приписал Плано Карпини, но источник его сведений по-прежнему неизвестен. Вероятнее всего, идея мирового господства сформировалась у монголов в годы правления Угэдэя, и тогда же ее стали влагать в уста основателя Монгольской империи, которая, возможно, возникла помимо его желания.

Ключевые слова: Чингисхан, монгольские завоевания, Монгольская империя, имперская идеология, завещание Чингисхана.

Для цитирования: Дробышев Ю.И. Чингисхан и идея мирового господства. *Восток (Oriens)*. 2024. № 1. С. 80–90. DOI: 10.31857/S086919080027500-7

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Научного Фонда (РНФ), проект № 21-18-00166 «Отложенный план завоевания мира: монголы и Запад, 1219–1260 (Русь, Центральная Европа, Ближний Восток)».

CHINGGIS KHAN AND THE IDEA OF WORLD DOMINATION²

© 2024

Yuliy I. DROBYSHEV ^a^a – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

Abstract: *The article proposes an answer to the question of Temujin/Chinggis Khan's plans for world domination. Based on the reports of numerous medieval sources, the author comes to the conclusion that his military campaigns pursued specific goals, mostly revenge on numerous enemies, and were not a part of a single aggressive plan. After uniting nomadic tribes and pacifying borderlands, Chinggis Khan usually reacted harshly to external challenges, and his first campaign in Xi Xia and Jin was predatory. At the same time, warfare did not always imply seizure of foreign territories, and the Mongols at first limited themselves to partial annexation of conquered lands. Trying to reveal Chinggis Khan's motivations, one should pay particular attention to his testament to descendants. Available sources refute the idea that the dying khan bequeathed to complete his world conquest. In fact, his political testament can be reduced to the following: he approved Ogedei as his successor, ordered his sons to obey the new ruler and to do away with Tanguts, Jurchens, and Kipchaks. All these points were subsequently fulfilled. Chinggis Khan's deathbed speeches do not imply the need to seize the whole world. Plano Carpini was one of the first to attribute this wish to him, but the source of his information is unknown. Most likely, the idea of world domination was formed by the Mongols during the reign of Ogedei, and then it began to be ascribed to the founder of the Mongol Empire, probably in spite of his actual goals.*

Keywords: Chinggis Khan, Mongol conquests, Mongol Empire, imperial ideology, last will of Chinggis Khan.

For citation: Drobyshev Yu.I. Chinggis Khan and the Idea of World Domination. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 1. Pp. 80–90. DOI: 10.31857/S086919080027500-7

«На скрижали его чела [были] явные признаки завоевания вселенной и миродержавия, а от его лика исходили лучи счастливой судьбы и могущества», – описывает персидский историк Рашид ад-Дин (1247–1318) [Рашид ад-Дин, 1952(2), с. 75] новорожденного Тэмучжина – будущего Чингисхана (1162?–1227), которого он как человек другой эпохи не мог бы видеть даже на смертном одре. Несмотря на имеющиеся в распоряжении историков источники, повествующие о жизни и деяниях Чингисхана, до сих пор не поставлена точка в споре: хотел ли он захватить все обитаемые земли? Можно говорить о нескольких гипотезах, однако интересны не высказывания сами по себе, а их аргументация, так как историкам приходится прибегать к сравнительно ограниченному кругу источников. К сожалению, не сохранилось ни одного документа, к написанию которого был бы причастен сам Чингисхан и в котором содержался бы его указ о покорении всей земли или излагалась бы программа действий для достижения этой цели. Отсутствует и текст его завещания, где это предписывалось бы потомкам³.

² The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 21-18-00166 “Deferred Plan for World Conquest: The Mongols and the West, 1219–1260 (Rus, Central Europe, Middle East)”.

³ О наличии такого завещания писал, например, знаменитый дипломат и историк А.К.М. д’Оссон, чей авторитет остается высоким и поныне, но он не подкрепил свою мысль никакими ссылками [D’Ohsson, 1852, p. III].

Информация средневековых авторов, получавших сведения о планах Чингисхана через целый ряд посредников, представляет для нашей темы скорее историографический, чем исторический интерес. В первую очередь это относится к европейским сочинениям середины XIII в. Ошибок не избежали даже те европейцы, которым довелось побывать в ставках великих ханов. Например, Плано Карпини (1182–1252) написал в своем отчете о поездке в Монголию: «Намерение татар – подчинить себе, если будет возможно, весь мир, и у них есть приказ об этом от Чингисхана» [Плано Карпини, 2022, с. 165]. Однако первое упоминание этого приказа в «Истории монголов» сделано в конце так называемого «Романа о Чингисхане», более всего похожего на фантастический рассказ [Плано Карпини, 2022, с. 148]. Кто был информатором францисканца, остается неизвестным.

Неточностями порой страдают и восточные авторы. Так, армянский историк Григор Акнерци (ок. 1250 – ок. 1335) приписывает Чингисхану слова, якобы сказанные в адрес нойона Чормагана, в 1231–1241 гг. являвшегося главнокомандующим монгольскими войсками в Иране и Закавказье: «Бог повелевает завоевать землю, поставить *ясак*, хранить ее в благоустройстве и брать с нее *тэгү* и *мал*, *тагар* и *гунчур*. Тех же, которые не подчиняются нам, не платят нам дани, следует убивать, жилища их разорять для устрашения тех, которые задумают нам сопротивляться» [История монголов, 1871, с. 11]. Казалось бы, нестыковка датировок снимает вопрос о подлинности этого приказа, а то, что речь идет именно о 1230-х гг., ясно из контекста. Однако Чингисхан действительно мог сказать Чормагану нечто подобное задолго до его назначения на этот пост, поскольку последний служил в чингисовой гвардии в должности носителя колчана (*хорчи*) и, сверх того, имел привилегию говорить с Чингисханом напрямую [Козин, 1941, § 260].

О том, что четкого плана захватов не было и аппетиты монгольского предводителя росли по мере его побед, высказался еще В.В. Бартольд: «Невозможно доказать, что еще в Монголии Чингиз-хан вынашивал далеко идущие завоевательные планы. Его первые походы против соседних культурных стран были по существу только грабительскими набегами; лишь значительно позднее монгольское владычество установилось в этих странах прочно. Походы на запад были предприняты первоначально для преследования спасавшихся там врагов; только в ходе событий эти походы приняли характер систематических завоеваний» [Бартольд, 1968, с. 621]. Н.Н. Крадин также отказывает Чингисхану в дальних целях: «Если бы на его месте оказался бы Тоорил или Чжамуха, скорее всего, не было бы и кочевой империи. Поскольку Чингис не имел желания завоевать весь мир, теоретически он мог бы ограничиться созданием степной, нетрансконтинентальной державы» [Крадин, 2007, с. 29].

Л.Н. Гумилёв большое значение придавал мести. Согласно его концепции, в детстве и юности Тэмучжину надо было элементарно выжить в гуще врагов; о власти, тем паче мировой, он и не думал. «Вот уж Тэмуджин не мог даже мечтать о престоле, когда он таскал на себе тайчиудскую колодку, когда его молодую жену увезли меркиты, когда его покинули родные дяди и брат, предал спасенный им Ван-хан и когда на него навалилось огромное войско найманов», – писал Л.Н. Гумилёв [Гумилёв, 1989, с. 455], возражая Е.И. Кычанову, опубликовавшему научно-популярную книгу над названием «Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир» [Кычанов, 1973]. Мужая и приобретаая в степи влияние, Тэмучжин начал мстить (а мстить было кому). С 1205 г. он начинает набеги на оседлых соседей и продолжает мщение: чжурчжэням – за погубленных предков, хорезмшаху – за убийство своих послов, тангутам – за то, что не дали войско для мести хорезмшаху. После смерти Чингисхана империя расширялась примерно по тому же принципу: монголы отправляли посольства, монархи казнили послов, вслед за чем приходило войско и покоряло страну. Оппоненты возражали Л.Н. Гумилёву, что требования посольств были ультимативны и провокационны: или вы покоряетесь, или одному Небу

известно, что с вами будет. Да, это так – сами монголы верили в свою небесную миссию по «упорядочиванию» человечества.

А.Г. Юрченко отстаивает мнение, что задача не решаема в принципе: «Замыслы Чингисхана скрыты – источники не позволяют даже строить предположений, планировал ли он создание империи в континентальном масштабе» [Юрченко, 2006, с. 142]. Причина такого пессимизма не в гиперкритическом отношении автора к источникам, а особое понимание их предназначения – создание имперского мифа о родоначальнике империи. Этот миф был необходим обеим сторонам – и триумфаторам, и побежденным, а кроме того, он позволял вписать феномен империи в картину мира жителей средневековой Европы, уцелевшей от всеобщего погрома. Второй тезис А.Г. Юрченко: «Постановление Чингисхана о покорении мира – самый распространенный миф, созданный и растиражированный в эпоху Угэдэя» [Юрченко, 2006, с. 143]. Пожалуй, с этим следует согласиться. Прежде всего, автором такого постановления, скорее всего, был сам великий хан Угэдэй (1229–1241), и обнародовано оно было на *курултаях* 1234–1235 гг. Затем именно при Угэдэе произошел вброс информации о монголах в Европу, а следом появились и они сами. По-видимому, нигде более так упорно, нежели в Европе в 1240-е гг., не муссировались слухи о том, что дикие и кровожадные «тартары» явились для того, чтобы поднять под себя все народы земли (и прежде всего, разумеется, благочестивых христиан). В эту же эпоху мусульманские историки начинают писать сочинения о зверствах монголов в Хорезме и Хорасане, а Ибн ал-Асир (1160–1233) завершил свой «Полный свод истории», где, помимо прочего, яркими красками изобразил картину монгольского нашествия.

В последние десятилетия набирает сторонников идея, согласно которой Чингисхан реализовывал имманентно присущую средневековым кочевникам программу объединения всех номадов степного пояса Евразии путем их подчинения. В ее основе лежит мысль, на первый взгляд парадоксальная, но точно соответствующая известной римской фразе *si vis pacem, para bellum*: кочевой вождь «зачищал» пространство от актуальных и потенциальных врагов для того, чтобы, говоря словами Угэдэя, возрадовать «народ тихим благоденствием, при котором, как говорится, ноги покоятся на полу, а руки – на земле» [Козин, 1941, § 279]. На самом деле это, конечно, не подразумевало беспечной мирной жизни. Набеги на соседей ради грабежа и вымогательства диктовались особенностями экономики кочевого хозяйства, но оккупация земельных государств и введение там своего правления не требовались.

Однако монголы пошли дальше. Источники практически единодушны в том, что они реально рассматривали всю известную им землю как свою собственность, а все обитавшие на ней народы – как своих слуг. Идея «мировой империи» не просто витала в воздухе, она активно воплощалась в жизнь. Если она все-таки возникла в голове Чингисхана, то генеральный вопрос о его желании подчинить весь мир требует решения ряда частных вопросов: когда и в связи с чем у него возникла эта идея; завещал ли он своим потомкам завершить завоевание? Чтобы найти правильные ответы, необходимо сначала разобраться, каким видел Чингисхан этот подлежащий завоеванию мир, что понимал под его центром и где прочерчивал мысленные границы. В противном случае рассуждения теряют предметность. Исследуя феномен сакрализации власти, Т.Д. Скрынникова не случайно в первую очередь обратилась именно к этой проблеме, которую решала в процессе реконструкции картины мира средневековых монголов [Скрынникова, 1997, с. 56–99].

Общим принципом степной историографии VIII–IX вв., как она выражена в рунических памятниках Монголии, является исключение оседлых государств из понятия «всего мира», который простирается от восхода до заката солнца. Такое же мировидение продемонстрировали и найманы в лице своего вождя Таян-хана в самом начале XIII в.: «Сказывают, что в северной стороне есть какие-то там ничтожные монголишки и что они будто бы напугали

своими сайдаками древлеславного великого государя Ван-хана и своим возмущением довели его до смерти. Уж не вздумал ли он, Монгол, стать ханом? Разве для того существует солнце и луна, чтобы и солнце и луна светили и сияли на небе разом? Так же и на земле. Как может быть на земле разом два хана?» [Козин, 1941, § 189; *Китайская династийная история*, 2009, с. 144]. Поскольку высказывание Таян-хана сохранилось в монгольском источнике, можно полагать, что такая трактовка границ мира была не только известна монголам, но и, вероятно, разделялась ими. Мы не располагаем подобной информацией относительно остальных предводителей кочевого мира рубежа XII–XIII вв., за исключением побратима, а впоследствии врага Чингисхана Чжамухи. Когда Чжамуха был схвачен, Чингисхан якобы хотел его простить, но тот не согласился и пожелал смерти, говоря: «К чему ж тебе дружба моя, когда перед тобою весь мир?» и «Теперь по всему свету разнеслась слава наших имен, от восхода до захода солнца» [Козин, 1941, § 201]. Скорее всего, это событие имело место в 1205 г. Наивно полагать, будто кочевники не имели представления о других странах, но их миром все-таки была степь, а центральное место в ней занимали их родовые кочевья. Говоря о подчинении себе всей земли и всех народов, они имели в виду именно степь и ее обитателей.

У Тэмучжина было несколько приближенных иностранцев еще до его провозглашения Чингисханом. Среди тех, кто в 1203 г. пил с ним «грязную воду Бальджуна» после поражения, понесенного от Ван-хана, были мусульманские купцы Данишменд-хаджиб, Джафар-ходжа и Хасан, а также братья Елюй Ахай и Елюй Тухуа – отпрыски императорской киданьской фамилии⁴. Разумеется, уже тогда Тэмучжин был осведомлен о государствах, лежавших очень далеко от его родных кочевий, но и он, похоже, пока еще мыслил в рамках традиционной степной геополитики, что и подтверждается следующим примером. Первые дошедшие до наших дней сведения, показывающие понимание масштабов ойкумены самим Чингисханом, можно почерпнуть из его торжественной речи, произнесенной в связи с учреждением гвардии – *кешика*, что произошло в 1206 г., когда он получил свой громкий титул: «Ныне, когда я, будучи умножаем... в силах небесами и землей, направил на путь истины всеязычное государство и ввел народы под единые бразды свои...» [Козин, 1941, § 244]. Несомненно, речь идет об объединенной монгольской степи. На тот момент власть Чингисхана распространялась на территории, приблизительно соответствующие землям, которые входили в состав прежних кочевых империй.

Переписка Чингисхана с хорезмшахом Ала ад-Дином Мухаммадом (1200–1220) отразила эволюцию его взглядов на границы мира. Если верить сообщению персидского историка Джужджани (1193 – после 1260), бывшего свидетелем монгольского нашествия, Чингисхан еще в 1215 г. рассценивал хорезмшаха как равного и называл себя владыкой Востока, а его – владыкой Запада [*Tabakat-i-Nasiri*, 1881, р. 966]. Но что он мог понимать под Востоком? По-видимому, традиционный ареал активности кочевников: земли нынешней Монголии, Забайкалья и примыкающих к ним территорий Китая, в те годы принадлежавших уйгурам, чжурчжэням и тангутам. Следующее послание датируется 1218 г.: «От меня не скрыто, как велико твое дело, мне известно и то, чего ты достиг в своей власти. Я узнал, что твое владение обширно и твоя власть распространилась на большинство стран земли, и поддержание мира с тобой я считаю одной из своих обязанностей. Ты для меня

⁴ Согласно биографии Джафар-ходжи в «Юань ши», именно здесь, на берегах этой реки, Тэмучжин поклялся в верности своим приближенным: «В случае если я совершу великое дело, то [я] буду со всеми этими людьми вместе – и в радости, и в горечи. Если нарушу эти слова, то стану похожим на воду [этой] реки» (цит. по: [Храпачевский, 2005, с. 518]). Под «великим делом» в Китае понималось основание новой правящей династии, поэтому может показаться, что в этот тяжелейший час Тэмучжин грезил несбыточными мечтами. Конечно, это более чем сомнительно, но не будем забывать, что цитата принадлежит кисти китайского историографа, работавшего более полутора веков спустя.

подобен самому дорогому моему сыну. Не скрыто и для тебя, что я завладел Китаем и соседними с ним странами тюрок и их племена уже покорились мне» [Ан-Насави, 1996, с. 73]. Китаем в те годы именовали земли бывшего киданьского государства Ляо, к 1125 г. захваченные чжурчжэнями, создавшими на них империю Цзинь, значительные территории которой монголы подчинили своей власти. К 1218 г. они практически бескровно приобрели Восточный Туркестан, где хозяйничал найманский узурпатор Кучлук, и добились меркитов, так что оценка Чингисханом своих достижений достаточно реалистична. Симптоматично, что Чингисхан, отдавая должное Ала ад-Дину как суверену, называет его сыном, чем, вне всякого сомнения, демонстрирует над ним свое превосходство. Провокационных требований письмо не содержит, но обрисованная в нем субординация уже сама по себе крайне провокационна. Из письма следует и еще одно: как бы ни были обширны к этому моменту владения Чингисхана, он не только не считает, что подчинил себе «весь мир», но и признает за хорезмшахом власть над «большинством стран земли», хотя, конечно, нельзя полностью исключать и другую трактовку – называя хорезмшаха сыном, он претендует на сюзеренитет над тем, кто этим «большинством стран» владеет.

«Отравская катастрофа» дала Чингисхану повод напасть на Хорезм. Представляется почти несомненным, что захватывать земли хорезмшаха он не планировал [Kwanten, 1978, p. 33; Ratchnevsky, 1992, p. 121]. Мы уже высказывали предположение, что слова Чингисхана «Пойду войною на Сартаульский народ и законною мостью отомщу за сотню своих посольских людей во главе с Ухуна. Можно ли позволить Сартаульскому народу безнаказанно обрывать украшения моих златоцарственных поводьев?», зафиксированные в «Сокровенном сказании», вряд ли корректно считать проявлением его имперского мышления [Дробышев, 2020, с. 205–206]. Маловероятно, что это был целенаправленный шаг к мировой гегемонии. Даже если хан провоцировал хорезмшаха, причины войны, скорее всего, были более приземленными.

Активные участники развернувшихся вскоре боевых действий, знаменитые полководцы Чжэбэ и Субэдэй, в 1220 г. передали в Нишапур копию ярлыка Чингисхана, где говорилось: «Пусть эмиры и великие и многочисленные простые люди знают это, что... все лицо земли от восхода солнца до его захода я дал тебе. Поэтому всякому, кто подчинится, будет явлена милость, а также его женам, детям и домашним; но кто не подчинится, тот погибнет вместе со всеми своими женами, детьми и родственниками» [Рашид ад-Дин, 1952(2), с. 211; Juvaini, 1997, p. 145]. Вероятно, аналогичные ярлыки посылались и в другие города государства хорезмшахов. Отсюда как будто вытекают претензии Чингисхана на владение всем миром, и 1220-м годом может датироваться самое раннее из известных свидетельств о глобальных претензиях великого монгола. Между тем на данном этапе его военных походов более резонно видеть применение монгольскими парламентарями традиционного кочевого шаблона, в котором «все лицо земли» изначально означало бескрайнюю степь. Скорее всего, резкое расширение милитаристских планов Чингисхана произошло несколько позже, когда стали очевидны результаты его хорезмской кампании.

Возможно, доминиканский брат Юлиан, доходивший в 1230-е гг. в поисках прародины венгров до Волги, в своем послании о «татарах», т.е. монголах, которых он там застал во время своего второго путешествия, передал близкую к истине информацию о том, что именно после разгрома Хорезма у Чингисхана появились честолюбивые замыслы: «Ободренный этим и считая себя самым сильным на земле, он стал выступать против царств с целью подчинить себе весь мир» [Хаутала, 2015, с. 385]. В защиту идеи о том, что взгляды Чингисхана на лежавший у его ног мир кардинально изменились в ходе кампании против хорезмшаха, высказывается М. Биран. Первоначально мечь и устранение потенциальных соперников были очевидными и гораздо более значимыми мотивами Чингисхана, чем

какой-либо замысел по завоеванию всей земли. Израильская исследовательница полагает, что он следовал примеру империй Ляо и Цзинь, стремясь создать еще одно восточно-азиатское государство, однако вторжение в мусульманскую ойкумену стало поворотным моментом в его превращении из успешного вождя в завоевателя мира. Отчасти из-за политического вакуума, образовавшегося после гибели Кучлука и Ала ад-Дина Мухаммада, завоевание из тактики эволюционировало в стратегию. Обнаружив себя во главе обширных земель, Чингисхан начал преобразовывать их в империю [Biran, 2007, p. 49–63, 73].

Процесс приращения территорий и трансформации монгольского улуса в мировую державу проследил Т. Мэй, назвавший монгольский метод «стратегией цунами». Монголы нападали, разграбляли и опустошали пространства, а потом отступали, оставляя под своей властью лишь часть подвергшихся их натиску земель. Там формировались особые воинские контингенты – *тамга*. Спустя какое-то время следовал новый удар, в результате которого подвластные монголам владения расширялись, хотя некоторые территории оставались лежать в руинах и без какого-либо хозяина. Такое планомерное, поступательное движение постепенно, в течение десятилетий, вело к росту империи [Мау, 2015; 2016]. Однако оно происходило в основном уже после смерти Чингисхана, и вряд ли он сам его спроектировал и начал сознательно осуществлять. По-видимому, в действиях великого монгола было немало спонтанного. Во всяком случае, направления его походов говорят скорее о его реакции на вызовы времени, чем на заранее спланированную последовательность военных и дипломатических мероприятий.

Доведя до бесславной смерти хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада, вынудив его сына Джалал ад-Дина Манкбурны (1199–1231) бежать за Инд и разорив земли Хорезма, Чингисхан вернулся в родные кочевья, из чего должно следовать, что присоединять Среднюю Азию и Иран к своим владениям он вроде бы не собирался. Впрочем, Джучи остался в пожалованных ему степях Дешт-и Кипчака. По мнению В.В. Бартольда, при Чингисхане владычество монголов установилось в Мавераннахре и Хорезме, а остальные земли, принадлежавшие хорезмшаху, позже пришлось завоевывать вновь [Бартольд, 1968, с. 625]. Существует и другая точка зрения. «Монгольский поход в Среднюю Азию был лишь эпизодом, звеном в общей цепи запланированных обширных завоеваний, – пишет Т.И. Султанов. – Как показывают данные источников, Чингиз-хан и не думал ограничиваться захватом империи хорезмшаха. В его планы входило завоевание всей Западной Азии и Восточной Европы, и он заранее отдал в удел старшему сыну Джучи еще не покоренные страны к западу от Иртыша и Аральского моря» [Султанов, 2006, с. 140]. На самом деле мы видим нечто иное.

После короткой передышки в родных степях Чингисхан нацелился на тангутское государство, изъявившее покорность еще в 1210 г.⁵, но отказавшееся выставить воинский контингент для Западного похода и пытавшееся весной 1224 г. поднять мятеж в самой Монголии. Е.И. Кычанов полагает, что именно это оказалось причиной приостановки военных действий монголов на западе [Кычанов, 2008, с. 651]. Покарать строптивого вассала Чингисхан замыслил еще до выступления против Ала ад-Дина. Западное Ся было практически сломлено, когда великий хан скончался. Согласно Джузджани, незадолго до смерти он якобы повелел: «Вы обязаны убить весь народ Тингри-хана⁶, как мужчин, так и женщин, малых и великих, молодых и старых, и не оставить ни одного человека в живых» [Tabakat-i-Nasiri, 1881, p. 1096]. В том же духе позже высказался и Рашид ад-Дин: «Вы

⁵ Рашид ад-Дин сообщает, что, уходя, Чингисхан оставил в Си Ся войско и правителя (*шихнэ*) [Рашид ад-Дин, 1952(1), с. 144], но это кажется маловероятным.

⁶ Тингри-ханом, т.е. «Небесным ханом», Джузджани называет тангутского императора, возможно, точно следуя монгольской традиции, в которой тангутских государей величали титулом «Бурхан» («Будда», «бог») ввиду их буддийского вероисповедания. См.: [Козин, 1941, § 249–250, 256, 265, 267–268].

не объявляйте о моей смерти и отнюдь не рыдайте и не плачьте, чтобы враг не проведаль о ней. Когда же государь и жители Тангута в назначенное время выйдут из города, вы их всех сразу уничтожьте!» [Рашид ад-Дин, 1952(2), с. 233]. Сведений о приказе Чингисхана об оккупации или аннексии территории этого государства нет, но известно, что оно располагало хорошими пастбищами, где тангуты выпасали много скота, и позже эти пастбища, как и часть культивируемых земель, были заняты монголами. Угэдэй распорядился доставить ко двору способных людей из старой тангутской элиты, и впоследствии немалое их число служило монголам. Один из них, Гао Чжи-яо, некоторое время принимал участие в управлении землями своей разгромленной родины [Кычанов, 2008, с. 658–659]. Таким образом, даже если Чингисхан не планировал увеличить свои владения за счет тангутской державы, это фактически произошло.

Мы вполне можем быть уверены в том, что, умирая, великий хан завещал уничтожить своего давнего врага – чжурчжэньскую империю Цзинь, с которой монголы вели борьбу начиная с 1211 г. Заслуживает внимания, что здесь, как и в сочинении Шихаб ад-Дина ан-Насави [Ан-Насави, 1996, с. 213], мы вновь видим стремление Чингисхана закрыть вопрос также и с кипчаками: «[Нам] нужно не менее десяти лет, чтобы покончить [с ними] (кипчаками. – Ю.Д.), а если будем ждать, пока покончим [с ними], то остатки Цзинь и другие [племена] снова размножатся и усилятся. Лучше оставить Чахадая подавлять и охранять [их]. Тем временем истребим остатки Цзинь, а потом займемся [ими]!» [Мункуев, 2023, с. 72; ср. Пэн Да-я, Сюй Тин, 2009, с. 77]. «Юань ши» подтверждает решимость Чингисхана завершить расправу с чжурчжэньским государством, причем подчеркивается приоритетность этой задачи: «Отборные войска Цзинь в [горной заставе] Тунгуань с юга поддержаны горами Ляньшань, с севера защищены Великой рекой, поэтому трудно разбить [их]. Если сократить путь через Сун, то Сун, вечный кровник Цзинь, обязательно сможет разрешить нам [проход]: если [мы] пошлем войска к Тан[чжоу] и Дэн[чжоу], то ударим напрямик на Даян, [тогда] Цзинь будет в затруднении и обязательно заберет войска из Тунгуань. И [будь] их всех хоть десятки тысяч, то спеша на помощь за тысячи *ли*, люди и кони истощатся силами и хотя бы и дойдут, то не смогут сражаться. Разбить их обязательно!» [Китайская династийная история, 2009, с. 161–162]. Такое решение выглядит вполне последовательным, поскольку вражда предков Чингисхана с императорами «Золотой империи» имела глубокие корни. На политической карте Центральной и Восточной Азии того времени империя Цзинь занимала центральное положение, и неудивительно, что для монголов она была «Срединным государством» и «Поднебесной», т.е., по существу, замещала «настоящую» Поднебесную – земли, управлявшиеся Южной Сун. Очевидно, именно империя чжурчжэней имела в виду под «Поднебесной» в «Стеле на пути духа его превосходительства чжун-шу лина Елюй [Чу-цая]» Сун Цзы-чжэня, где говорится: «Тай-цзу (т.е. Чингисхан), давно стремившийся овладеть Поднебесной, когда-то справлялся о близких родственниках дома Ляо...» [Мункуев, 1965, с. 70]. В таком значении этот термин встречается не раз. Например, «Юань ши» приводит слова Чингисхана: «Я намерен овладеть Поднебесной. И вы, люди икерес, сопровождая Боту, станете верой и правдой служить мне» [Кычанов, 1995, с. 198].

Какие виды имел Чингисхан на Южную Сун? Доподлинно это неизвестно. Посол этого государства Чжао Хун был отправлен в 1221 г. в ставку *го-вана* Мухали (1170–1223) – с 1217 г. наместника Чингисхана в Яньцзине, оставленного покорять чжурчжэней, пока сам Чингисхан воевал на Западе. Чжао Хун отметил, что церемонии при официальных встречах были просты, а слова – прямы. Ему говорили: «Ты добрый министр доброго императора великих Сунов» [Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 78]. Значит ли это, что монголы в то время признавали правителей других государств как равных своему хану? Возможно, более корректно

было бы поставить вопрос в иной плоскости: правителей каких государств монгольская идеология в рассматриваемый период расценивала как легитимных и, следовательно, равных своему правителю? В случае Южной Сун учтем два обстоятельства. Во-первых, переговоры с ней вел не лично Чингисхан, а его полномочный представитель Мухали, хотя и наделенный всей полнотой принятия решений, но, судя по его биографии в «Юань ши» и по сведениям других источников, не отличавшийся заносчивостью и якобы питавший интерес и уважение к китайской культуре. Несмотря на свое высокое положение, он, похоже, не успел пропитаться духом «имперскости» и глядел на Южную Сун как на независимое сильное государство. Во-вторых, Южная Сун была союзником монголов, поэтому законы дипломатии требовали отказа от демонстрации своего превосходства, которого к тому же на дальневосточном фронте у монголов тогда и не было.

Итак, предпринятая нами схематичная попытка реконструировать представления Тэмучжина-Чингисхана о мире подводит нас к выводу, что они закономерно расширялись по мере увеличения подвластных ему территорий, причем с некоторым опережением благодаря информаторам, число которых тоже росло в результате новых походов и новых побед. Успехи укрепляли его уверенность в своей небесной миссии и позволяли ставить более масштабные задачи. Однако проанализированные нами в переводах и извлечениях источники (монгольские, армянские, грузинские, русские, европейские, византийские, сирийские, арабские, персидские, китайские, тангутские, тибетские)⁷ все-таки не позволяют говорить о его желании захватить всё, что есть под небом, равно как и о его завещании сделать это после его смерти [Drobyshev, 2023].

Если мысль о безраздельной власти действительно зародилась в голове Чингисхана, о чем можно только гадать, то нет сомнений в том, что зримые очертания она приобрела при дворе Угэдэя практически сразу после полного разгрома чжурчжэньского государства. Возможно, расправившись наконец со своим главным противником и утолив жажду мести, монголы припомнили некоторые свои неудачи и приобретенных врагов. Но была и другая причина. «Престижная экономика» кочевой империи требовала постоянного и притом неуклонно увеличивающегося притока материальных ценностей. Чем многочисленней становился слой элиты, как воспроизводившейся в «золотом роду» Чингисхана, так и вливавшейся из подчинившихся государств, тем больше драгоценностей требовалось для ее церемониального одаривания, дабы удержать ее в узде не столько силой, сколько щедростью. Добыть потребное количество золота, шелка и прочих престижных предметов можно было, главным образом, грабежом. По окончании битв на Юге в 1234 и 1235 гг. были созданы *курултаи*. Вот здесь-то и выкристаллизовалась идея мирового господства, и совсем не исключено, что ее провозгласили как завет великого Чингисхана с целью придания ей авторитета небесного императива, ведь, как всем было известно, он вершил свои подвиги силой Вечного Неба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад. *Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны)*. Изд. критич. текста, пер. З.М. Бунятова. М.: Восточная литература, 1996 [Al-Nasavi Shihab al-Din Muhammad. *Sirat al-sultan Jalal al-Din Mankburny (Biography of Sultan Jalal al-Din Mankburny)*. Ed., tr. by Z.M. Buniatov. Moscow: Vostochnaya literatura, 1996 (in Arabic and Russian)].

Бартольд В.В. Чингиз-хан. *Сочинения*. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 615–628 [Bartold V.V. Chinggis Khan. *Works*. Vol. V. Moscow: Nauka, 1968. Pp. 615–628 (in Russian)].

⁷ Подробные результаты этого анализа опубликованы в серии статей либо готовятся к печати.

Гумилёв Л.Н. *Древняя Русь и Великая степь*. М.: Мысль, 1989 [Gumilyov L.N. *Ancient Rus and the Great Steppe*. Moscow: Mysl, 1989 (in Russian)].

Дробышев Ю.И. Чингисхан о власти (по материалам «Сокровенного сказания монголов»). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 198–209 [Drobyshev Y.I. Genghis Khan on Power (Based on The Secret History of the Mongols). *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2020. No. 2. Pp. 198–209 (in Russian)].

История монголов инок Магакии, XIII века. Пер. К.П. Патканова. СПб.: Типогр. Императорской Академии наук, 1871 [*The History of the Mongols by Magakia the Monk, 13th Century*. Tr. by K.P. Patkanov. Saint Petersburg: Tipogr. Imperatorskoy Akademii nauk, 1871 (in Russian)].

Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)». Пер. Р.П. Храпачевского. *Золотая орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники*. М.: [Б.и.], 2009. С. 121–291 [Chinese Dynastic History “Yuan shi (The Official History of the [Dynasty] Yuan)”. Tr. by R.P. Khrapachevsky. *The Golden Horde in Sources. Vol. III. Chinese and Mongolian Sources*. Moscow, 2009. Pp. 121–291 (in Russian)].

Козин С.А. *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941 [Kozin S.A. *The Secret History. Mongolian Chronicle of 1240*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941 (in Russian)].

Крадин Н.Н. Чингисхан и создание Монгольской кочевой империи. *Чингисхан и судьбы народов Евразии-2*. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. С. 19–31 [Kradin N.N. Chinggis Khan and Creation of the Mongol Nomadic Empire. *Chinggis Khan and the Fate of Eurasian Peoples-2*. Ulan-Ude: Izd-vo BGU, 2007. Pp. 19–31 (in Russian)].

Кычанов Е.И. *Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир*. М.: Наука, 1973 [Kychanov E.I. *The Life of Temujin, who Thought to Conquer the World*. Moscow: Nauka, 1973 (in Russian)].

Кычанов Е.И. *Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир*. М.: Восточная литература, 1995 [Kychanov E.I. *The Life of Temujin, who Thought to Conquer the World*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1995 (in Russian)].

Кычанов Е.И. *История тангутского государства*. СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2008 [Kychanov E.I. *History of the Tangut State*. Saint Petersburg: F-t filologii i iskusstv SpbGU, 2008 (in Russian)].

Мункуев Н.Ц. *Китайский источник о первых монгольских ханах*. М.: Наука, 1965 [Munkuev N.T. *A Chinese Source on the First Mongol Khans*. Moscow: Nauka, 1965 (in Russian)].

Мункуев Н.Ц. *Источники по истории Монгольской империи («Хэй-да ши-люэ», главы 98 и 99 «Юань ши»): перевод и исследование*. Улан-Удэ: АО «Республиканская типография», 2023 [Munkuev N.T. *Materials on the History of the Mongol Empire (“Hei-da shi-lue”, Chapters 98 and 99 of “Yuan shi”): translation and research*. Ulan-Ude: АО “Respublikanskaya tipografiya”, 2023 (in Russian)].

Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле, пер. Н.Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975 [Meng-da bei-lu (“A Complete Description of Mongol-Tatars”). Facsimile, tr. by N.T. Munkuev. Moscow: Nauka, 1975 (in Chinese and Russian)].

Плано Карпини Иоанн де. *История монголов: Текст, перевод, комментарии*. Под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова. М.: ИДВ РАН, 2022 [Plano Carpini, John de. *The History of the Mongols: Text, Translation, Comments*. Ed. by A.A. Gorsky, V.V. Trepavlov. M.: IDV RAN, 2022 (in Latin and Russian)].

Пэн Да-я, Сюй Тин. Хэй-да шилюэ (Краткие известия о черных татарах). Пер. Р.П. Храпачевского. *Золотая орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники*. М.: [Б.и.], 2009. С. 27–120 [Peng Da-ya, Xu Ting. Hey-da shilue (Brief News about Black Tatars). Tr. by R.P. Khrapachevsky. *The Golden Horde in Sources. Vol. III. Chinese and Mongolian Sources*. Moscow, 2009. Pp. 27–120 (in Russian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. I. Кн. 1. Пер. Л.А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952(1) [Rashid al-Din. *Collection of Chronicles*. Vol. I. Book 1. Tr. by L.A. Khetagurov. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952(1) (in Russian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. I. Кн. 2. Пер. О.И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952(2) [Rashid al-Din. *Collection of Chronicles*. Vol. I. Book 2. Tr. by O.I. Smirnova. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952(2) (in Russian)].

Скрынникова Т.Д. *Харизма и власть в эпоху Чингисхана*. М.: Восточная литература, 1997 [Skrynnikova T.D. *Charisma and Power in the Era of Chinggis Khan*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1997 (in Russian)].

Султанов Т.И. *Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть*. М.: АСТ, 2006 [Sultanov T.I. *Chinggis Khan and the Chinggisids. Fate and Power*. Moscow: AST, 2006 (in Russian)].

Хаутала Р. *От «Давида, царя Индии» до «Ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах*. Казань: Институт истории АН РТ, 2015 [Hautala R. *From "David, King of the Indies" to "The Hated Plebs of Satan". Anthology of Early Latin Materials about the Tatar-Mongols*. Kazan: Institut istorii AN RT, 2015 (in Latin and Russian)].

Храпачевский Р.П. *Военная держава Чингисхана*. М.: АСТ; Льюкс, 2005 [Khrapachevsky R.P. *The Military State of Chinggis Khan*. Moscow: AST; Lyuks, 2005 (in Russian)].

Юрченко А.Г. *Историческая география политического мифа. Образ Чингиз-хана в мировой литературе XIII–XV вв.* СПб.: Евразия, 2006 [Yurchenko A.G. *Historical Geography of Political Myth. The Image of Chinggis Khan in the World Literature of the 13th - 15th Centuries*. Saint Petersburg: Evraziya, 2006 (in Russian)].

Biran M. *Chinggis Khan*. Oxford: Oneworld Publications, 2007.

Drobyshev Yu. The Last Will of Genghis Khan. *The 12th International Congress of Mongolists "Pax Mongolica and Historical Experience" under the Auspices of the President of Mongolia Khurelsukh Ukhnaa (9–14 August 2023, Ulaanbaatar, Mongolia): Summaries of Congress Papers*. Ulaanbaatar: Munkhiin Useg, 2023. Pp. 23–26.

Juvaini Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Transl. by J.A. Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1997.

Kwanten L. The Career of Muqali: a Reassessment. *Bulletin of Sung and Yüan Studies*. 1978. No. 14. Pp. 31–38.

May T. The Mongol Art of War and the Tsunami Strategy. *Золотоордынская цивилизация [Golden Horde Civilization]*. 2015. Vol. 8. Pp. 31–37.

May T. Mongol Conquest Strategy in the Middle East. *The Mongol's Middle East: Continuity and Transformation in Ilkhanid Iran*. Ed. by B. De Nicola, C. Melville (eds.). Leiden; Boston: Brill, 2016. Pp. 13–37.

D'Ohsson C. *Histoire des Mongols: depuis Tchinguiz-Khan jusqu'a Timour Bey ou Tamerlan*. Tome premier. Amsterdam: Frederik Muller, 1852.

Ratchnevsky P. *Genghis Khan: His Life and Legacy*. Tr. by T.N. Haining. Oxford: Blackwell, 1992.

Tabakat-i-Nasiri: *A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia including Hindustan from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam by Maulana Minhaj-ud-din Abu-Umar-i-Uzman*. Tr. by H.G. Raverty. Vol. I–II. London: Gilbert & Rivington, 1881.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДРОБЫШЕВ Юлий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Yuliy I. DROBYSHEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.